

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

К началу 1920-х гг. религиозный вопрос стал пробным камнем строительства нового быта. В марте 1919 г. VIII съезд РКП (б) включил в программу партии специальный пункт о том, что партия не может удовлетвориться декретированным отделением церкви от государства и школы от церкви и должна всемерно содействовать фактическому освобождению масс от религиозных предрассудков, организовать широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду¹. В руководстве образованной в 1920 г. Чувашской автономной области были уверены, что «чувашский трудовой народ по своему историческому прошлому не имеет ни религиозного фанатизма, ни традиционно установившихся религиозных обычаев»². В чувашском фольклоре есть значительное число пословиц и поговорок, выражающих негативное отношение крестьян к «попу». Например, «пуа пани Турă умне ситеймё» (что даешь попу, до Бога не дойдет), «пупан сухалё те ерех ёсет» (у попа и борода вино пьет), «пуа кушак сұллă сĕме юратасĕ» (поп и кошка любят жирно кушать) и т. п.³

Симптоматичным явлением начала 1920-х гг., по мнению исследователя В. Г. Харитоновой, был огромный интерес городского и сельского населения к лекциям на антирелигиозные темы и к антирелигиозным изданиям. Открывалась перспектива обновления духовной жизни общества⁴. Дискуссии о старом и новом порядках «возникали на застольях, в ночном, на посиделках, дома в семье, в гостях за кувшином пива, на собраниях» и т. д.⁵ Особое место зани-

мали диспуты атеистов со служителями культа. Например, на диспуте «Наука и религия», организованном 8 января 1923 г. в с. Пандиково Ядринского уезда и продолжавшемся около 8 часов, присутствовало свыше 500 крестьян из селений Пандиковской, Красночетайской, Торхановской волостей⁶.

Однако, на наш взгляд, подобные диспуты вызывали интерес не только и не столько как дебаты представителей двух идеологий, сколько как возможность для крестьян «убить время», отвлечься от повседневных забот, получить разгрузку от психологического или физического напряжения. Для крестьян многие из подобных акций были не более чем аттракционами. В пользу такого заключения свидетельствует тот факт, что устроители диспутов собирали значительное число зрителей в зимний период, но не могли обеспечить даже минимальной явки в период активных сельскохозяйственных работ. Даже партийные идеологи признавали, что крестьянин может самыми последними словами поносить своего попа и в то же время целовать ему руку при исполнении магических обрядов, составляющих главную, основную часть религии земледельца⁷.

Куда как более симптоматичным, на наш взгляд, выглядит отношение населения к коммунистам и их мероприятиям. Так, резко изменил настроения крестьян голод 1921-1922 гг. Органы ВЧК, державшие руку на пульсе общественной жизни, отмечали нарастание социальной напряженности и враждебности к Советской власти и компартии. Информационные сводки за июнь-июль 1921 г. о

положении в Чувашской АО зафиксировали угнетенное и подавленное настроение крестьян в связи с надвигающимся голодом, а также враждебное отношение к Советской власти⁸. Именно коммунистов обвиняли в том, что из-за них «Бог не давал дождя, и мы голодаем». Дело даже доходило до того, что отцы выгоняли из дома своих отпрысков-коммунистов⁹.

Подобное отношение со стороны крестьян сохранялось на всем протяжении первой половины 1920-х гг. Так, информационные сводки Чувашского отдела ОГПУ середины 1920-х гг. отмечали, что «население на различные стихийные бедствия (градобитие и бездожде) сплошь и рядом смотрит как на кару Божию за безверие коммунистов и их политику в религиозном вопросе»¹⁰.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что и в начале 1920-х гг. на местах широко толковались критерии членства в партии, и потому не редкостью было присутствие в рядах РКП (б) священнослужителей, продолжавших исполнять

свои прямые обязанности «духовных пастырей». Так, в Ядринской организации РКП (б) оказался дьякон А. Разумов, в Аlikовской волостной организации РКП (б) — псаломщик Н. Е. Абаков (Обаков), в коммунистической ячейке с. Именево Цивильского уезда — священник И. Степанов, в число сочувствующих Мариинско-Посадской партийной организации был принят священник Бузаковский и др.¹¹ Видимо, подобная ситуация была характерна для многих регионов страны, поскольку в проекте постановления Политбюро от 7 мая 1921 г. «категорически запрещалось принимать священно- и церковнослужителей в партию, а в случае обнаружения практикующих представителей духовенства среди коммунистов их надлежало немедленно исключить из рядов РКП (б)»¹².

Сами члены партии массово «грешили» посещением церквей и исполнением религиозных обрядов, что находило отражение как на страницах периодической печати¹³, так и в нормативных документах партийных органов. 26 апреля

Чувашские крестьяне, покидающие деревни во время голода. Станция Шихраны (Канаш), 1921 г. Фотофонд ГИА ЧР, ед. хр. 3772.

1921 г. пленум обкома РКП (б) отметил многочисленные факты нарушений членами партии основных положений Декрета о свободе совести и вероисповедания* и принял решение об улучшении антирелигиозной пропаганды¹⁴. В резолюции III-й областной партийной конференции, прошедшей в мае 1921 г., отмечалось, что «наблюдающиеся случаи исполнения членами партии религиозных обрядов угрожают организации разложением и роняют авторитет РКП (б) в глазах беспартийных масс, когда коммунист позволяет себе участвовать при совершении религиозных обрядов»¹⁵. Показателен факт участия начальника областной милиции Т. И. Волкова в пасхальном церковном богослужении, когда он выступил в с. Аликово с чтением «Апостола»¹⁶. В феврале 1923 г. член бюро обкома партии И. А. Крынецкий констатировал, что в Цивильском уезде «у большинства членов РКП (б) в доме благополучно пребывают иконы, не исключая и ответственных работников, в самом городе — за исключением четырех человек у остальных до сих пор иконы не сняты». В марте того же года выступавшие на VII областной конференции РКП (б) заявляли, что партийная организация страдает от пьянства и религиозных предрассудков¹⁷. Это же зафиксировано и в отчете о деятельности Цивильского уездного комитета за март-июль 1923 г.¹⁸

Религиозность остального населения была устойчивой. В приводимых за 1921 г. сведениях по Муратовской и Тархановской волостям Цивильского уезда констатировалось, что посещение верующими церковей обыкновенное, как и до революции. На заседании Чебаевской волостной организации РКП (б) Ядринского уезда отмечалось, что в церковь стали ходить больше, чем раньше. Ленинский волисполком сообщал, что церкви посещает все население волости¹⁹. Здесь немаловажным представляется наблюдение Е. А. Ягафовой, что религиозное самосознание выступало и оставалось одной из базовых составляющих, а также фактором формирования этническо-

го самосознания²⁰. Речь у самарского исследователя идет о градациях и взаимоотношениях чувашей-язычников («истинных чувашей»), чувашей-христиан и чувашей-мусульман (отатаривающихся), однако, на наш взгляд, формула применима и как обобщающая характеристика положения верующих в рассматриваемый период. Показательным явлением восстания 1921 г. в Чувашской АО было возвращение икон в здания органов административного управления (волсоветов)²¹.

В начале 1920-х гг. власть осознала невозможность изменения в одночасье менталитета населения. Новая экономическая политика задала и новый вектор государственно-церковных отношений. Принципиально жесткой стала позиция в отношении членов партии. Исполнение коммунистами религиозных обрядов стало интерпретироваться как преступление²². Выявленные факты нарушения партийной дисциплины становились основой для принятия соответствующих решений. Среди членов партии в сельской местности был проведен определенный ликбез. Например, в феврале 1923 г. Цивильский уездный комитет партии разослал циркулярное письмо, где разъяснил, что «для каждого коммуниста должно быть ясно, что он должен отрешиться навсегда от религиозного мира и стать на дорогу науки», нельзя «одновременно быть коммунистом и христианином»²³. Прибегали к радикальному способу — исключению из рядов РКП (б). В период с 1 октября 1921 г. по 1 января 1922 г. из Чувашской областной партийной организации были исключены 5 человек за исполнение религиозных обрядов (венчание в церкви, крещение ребенка), с октября 1922 г. по февраль 1923 г. — 13 человек, в течение марта-октября 1923 г. — 18 человек, в том числе 12 человек — за церковный брак, 4 — за крещение ребенка²⁴. Материалы об исключении из рядов РКП (б) и РКСМ публиковались в газете «Чувашский край» под рубрикой «На черную доску!»²⁵ Аналогично действовали и профсоюзы, исключая из своего состава за принадлежность к религиозным обществам и венчание в церкви²⁶.

Вместе с тем власть скорректировала позицию в отношении рядовых граждан, потребовала большей терпимости к религиозным организациям, особенно в деревне, подавляющая часть населения которой оставалась верующей, и «от борьбы мускулов» в значительной степени перешла к «борьбе идей». Так, Н. К. Крупская в 1922 г. отмечала, что «надо подвести фундамент, надо дать ему научное обоснование,.. нужен небольшой журнальчик по антирелигиозной пропаганде, который учитывал бы опыт антирелигиозной пропаганды, отзывался на злобы дня, был бы организующим центром»²⁷. В резолюции XIII съезда РКП (б) подчеркивалось, что «особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего», и что «антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин»²⁸. Подготовленная агитационно-пропагандистским отделом Чувашского обкома РКП (б) инструкция по антирелигиозной пропаганде внушала, что «к крестьянину нельзя подходить революционным методом, методом разрушения», антирелигиозная пропаганда «должна носить особенно строго продуманный характер, ибо затрагивает наиболее интимную сторону человеческого духа»²⁹. «Рабоче-крестьянский корреспондент» призывал изменить методы антирелигиозной пропаганды, уделяя главное внимание организации кружков безбожников и природоведения³⁰.

Новым явлением стало учреждение так называемых советских праздников вместо прежних, царских или религиозных, которые занимали важное место в системе ценностей крестьян. В крестьянском менталитете превалировало сознание того, что праздник — не менее богоугодное дело, чем работа, так как он не только приносил отдых от тяжелого труда, но и имел сакральный характер.

В первые годы Советской власти, когда праздничный календарь еще не установился, к числу наиболее значимых были отнесены даты революционных событий, например, день соверше-

ния Октябрьской революции, однако большинство населения первоначально не отождествляло его с праздничным событием³¹. Циркуляром Ульяновского губернского политпросветотдела уездным политпросветотделам указывалось на «огромное значение в деревне революционных празднеств и дат, как постепенно вытесняющих привычные царские и церковные праздники, и таким образом создающих новый быт»³². Ряд новых праздников имел временные совпадения с прежними праздниками. Так, осенний праздник урожая проводился на Покров, день электрификации — на Ильин день, день древонасаждения — на Троицу³³.

Значимым фактором антирелигиозной борьбы стала организация «антирождественских» и «антипасхальных» кампаний. Редакция газеты «Безбожник» призывала проводить комсомольское рождество «не для издевки над верующими, не для озорства, но для того, чтобы помочь миллионам людей, одурманенных религией, освободиться от этого дурмана»³⁴. Однако именно в 1920-е гг., как отмечает М. Г. Кондратьев, «ломались, порой грубо, старые традиции, возникали (или насаждались) совершенно новые явления и понятия»³⁵.

Антипасхальная и антирождественская форма антирелигиозной пропаганды в Чувашии стала внедряться с 1923 г. В отчетном докладе Чувашского обкома РКСМ отмечалось, что «комсомольское рождество» 1923 г. было проведено во всех уездных и волостных центрах. Например, в Чебоксарах был организован цикл молодежных вечеров, антирелигиозных спектаклей и лекций, а в Ядрине — маскарад, где «поп» отслужил молебен, составленный из куплетов антирелигиозного содержания, в Алатыре — шествие-карнавал³⁶. В том же году во всех крупных населенных пунктах автономии была организована «комсомольская пасха», причем в Чебоксарах и уездных центрах на нее была отведена целая неделя, а в селениях — по 2-3 дня. Так, в Мариинском Посаде за неделю до Пасхи на всех видных местах были вывешены листовки, воззвания и плакаты, направленные против религии. На всех собраниях членов РКП (б), РКСМ, бес-

Демонстрация трудящихся. 7 ноября 1927 г. Фотофонд ГИА ЧР, ед. хр. 11013.

партийной молодежи и граждан читались специальные антирелигиозные доклады и лекции»³⁷.

Однако, когда в течение продолжительного времени летом 1925 г. не было дождей, крестьяне Покровской и Татаркасинской волостей Чебоксарского уезда обратились не к советским агрономам и сельхозтехникам, а к священникам, приглашая их провести молебны на полях³⁸. Подобного рода приглашения поступали не только от рядовых сельчан, но и от председателей сельских советов (например, д. Верхнее Турмышево Торхановской волости Батыревского уезда)³⁹. В докладной записке Ф. Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП (б) о перспективах крестьянского движения в связи

с ожидающимся неурожаем 1924 г. отмечалось, что «угроза неурожая вызвала сильный рост религиозных настроений. Почти везде крестьяне приглашают попов для устройства молебнов и освящения полей»⁴⁰. По заключению специальных комиссий, «культурно отсталые родители коммунистов и их жены, насквозь пропитанные гнилым религиозным дурманом и старыми привычками рабства, ведут усиленную работу с коммунистами», в результате — многие члены партии сами не соблюдали 13-й пункт партийной программы о всемерном содействии освобождению масс от религиозных предрассудков, организации широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Программа Российской коммунистической партии (большевиков): принята VIII съездом РКП (б) 18-23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 15 т. / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. — М., 1983. — Изд. 9-е, доп. и испр. — Т. 2. 1917-1922. — С. 83.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР), ф. Р-22, оп. 1, д. 150, л. 7-8.

3. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем. — Шупашкар, 2007. — С. 294-295.

4. Харитонов В. Г. Об отношениях государства и православной церкви в 1920-1930-х гг. XX века (на материалах Чувашской Республики) // Общество, государство, религия. Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 2000-летию христианства. 16 марта 2000 г. – Чебоксары, 2002. – С. 87.
5. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), отд. II, ед. хр. 2361, инв. № 8861, л. 56.
6. Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары, 1972. – С. 379.
7. Красиков П. А. Советская власть и церковь // Деятели Октября о религии и церкви. – М., 1968. – С. 70.
8. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М., 2000. – Т. 2. 1923-1929 гг. – С. 455-456, 468, 474.
9. НА ЧГИГН, отд. II, ед. хр. 1196, инв. № 4815, л. 33 об.
10. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), ф. П-1, оп. 7, д. 34, л. 181.
11. Денисов П. В. Указ. соч. – С. 267; Хёрлэ кур [псевдоним]. Тура сывăрнă чух шуйттан темён те хатланё (Когда Бог спит, бес что угодно творит) // Канаш. – 1920. – 6 октября. – С. 2; ГАСИ ЧР, ф. П-11, оп. 1, д. 24, л. 10; НА ЧГИГН, отд. II, ед. хр. 418, инв. № 1063, л. 226, 253; ед. хр. 419, инв. № 1064, л. 128.
12. Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории русской церкви (1921-1925). – М., 2004. – С. 38.
13. Хёрлэ кур [псевдоним]. Указ. соч. – С. 2.
14. Чувашская областная организация КПСС. Хроника: в 2 ч. – Чебоксары, 1989. – Ч. 1. 1898-1955. – С. 52.
15. ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 2, д. 13, л. 4 об.
16. Золотов Н. О миссионерствующем профессоре и «апостольствующем» начальнике милиции // Красная Чувашия. – 1930. – 18 января. – С. 3.
17. ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 1, д. 7, л. 226; оп. 3, д. 30, л. 48.
18. НА ЧГИГН, отд. II, ед. хр. 549, инв. № 1556, л. 265.
19. ГИА ЧР, ф. Р-22, оп. 1, д. 151, л. 2, 5; ф. Р-238, оп. 1, д. 354, л. 21, 24, 28; ГАСИ ЧР, ф. П-193, оп. 1, д. 10, л. 5-5 об.
20. Ягафова Е. А. Чувашское язычество в XVIII — начале XXI века. – Самара, 2007. – С. 6-7.
21. ГИА ЧР, ф. Р-599, оп. 1, д. 143, л. 97-98 об.; ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 2, д. 33, л. 19-24; ф. П-9, оп. 3, д. 11, л. 1.
22. ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 3, д. 29, л. 169.
23. Там же, д. 52, л. 34.
24. Список исключенных членов РКП (б) // Чувашский край. – 1922. – 29 января. – С. 1; ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 1, д. 7, л. 226; оп. 3, д. 29, л. 169.
25. Чувашский край. – 1922. – 26 февраля. – С. 2.
26. Об антирелигиозной пропаганде: циркуляр ВЦСПС // Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и др. Советских Социалистических Республик. – М., 1926. – С. 26.
27. Крупская Н. К. Задачи антирелигиозной пропаганды // Деятели Октября о религии... – С. 122-123, 125.
28. По вопросу об антирелигиозной пропаганде в деревне: резолюция XIII Съезда РКП (б) от 3 июня 1924 г. // Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства... – С. 25-26.
29. Антирелигиозная пропаганда // Чувашский край. – 1922. – 12 января. – С. 1-2.
30. Рабоче-крестьянский корреспондент. – 1925. – № 1. – С. 51.
31. Абрегова Ж. О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX — первая треть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Майкоп, 2004. – Л. 143.
32. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. Р-190, оп. 1, д. 734, л. 8.
33. Кононович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. – М., 1990. – С. 38; Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. – М., 2009. – С. 98-99.
34. Комсомольское рождество [редакционная статья] // Безбожник. – 1923. – 7 января. – № 3. – С. 1.
35. Кондратьев М. Г. Предисловие // Художественная культура Чувашии: 20-е гг. XX века. – Чебоксары, 2005. – С. 5.
36. Комсомольское рождество // Трудовая газета. – 1923. – 7 января. – С. 1; НА ЧГИГН, отд. II, ед. хр. 549, инв. № 1556, л. 230-231.
37. Денисов П. В. Указ. соч. – С. 382; ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 1, д. 452, л. 18.
38. ГАСИ ЧР, ф. П-1, оп. 6, д. 35, л. 24-25, 36.
39. ГИА ЧР, ф. Р-611, оп. 1, д. 333, л. 2.
40. Советская деревня глазами ВЧК... – Т. 2. – С. 204-205.
41. Денисов П. В. Указ. соч. – С. 373.

Федор Козлов,
кандидат исторических наук
(Чувашская Республика)

